

УДК 851. 512.145. «19»: (17+111.852)

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ ШАМИЛЯ АЛЯДИНА «РОДНИКИ»

Юнусов Ш. Э.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

E-mail: shew.yunusoff2010@yandex.ua

В статье анализируются специфические содержательно-формальные особенности исторической повести признанного крымскотатарского художника пера через призму авторской интерпретации исторических реалий. В контексте рассматриваемой проблемы акцентируются аспекты композиционной константы, интеллектуализации образа сельского учителя, жанровой доминанты эссе.

Ключевые слова: авторская концепция, объект речи, домысел, философская проблематика.

ВВЕДЕНИЕ

В крымскотатарском литературоведении последних двух десятилетий в вопросе изучения литературно-художественного наследия Шамиля Алядина и определения места прозаика в литературном процессе налицо поступательные движения: изданы сборник его произведений [3], сборник воспоминаний о писателе [4], опубликованы научные и научно-публицистические статьи; функционирует официальный сайт Шамиля Алядина, где размещена обширная информация о жизни и творчестве писателя, литературоведческие статьи, видеоматериалы, фотогалерея и др.; 12 июля 2012 года к 100-летию писателя в Симферополе была торжественно открыта мемориальная доска и проведена научно-практическая конференция; решением Союза писателей Крыма учреждена Литературная премия имени Шамиля Алядина. А между тем проблема комплексного изучения прозы указанного писателя до сих пор остаётся в рудиментарном состоянии.

Цель настоящей статьи как продолжения цикла работ об исторической прозе названного автора – на основе конкретных примеров рассмотреть вопросы жанровой специфики, художественного домысла и проблематики повести «Родники».

Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач:

- показать роль повествователя в раскрытии национального мироощущения;
- выявить жанровую специфику повести;
- проанализировать особенности сюжетно-фабульной сцепки произведения для определения авторской концепции.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Время творческого поиска Шамиля Алядина пришлось на период негласной борьбы с проявлениями «национализма», где тема связи крымскотатарского народа и Крыма не вписывалась в рамки официальной идеологии государства. Как непосредственному участнику трагических событий в судьбе своего народа в середине

XX века, писателю, носившему этот груз горьких и болезненных воспоминаний на своих плечах, необходимо было высказаться. Осознавая ответственность творческой интеллигенции перед своим народом в условиях складывающейся социально-политической ситуации, он был серьёзно озабочен мыслями о сохранении национальной самоидентификации. Думы о возрождении народа были вызваны обеспокоенностью за сохранение и развитие родного языка, культуры, литературы, искусства. Процесс, направленный на пересмотр национально-этнического самосознания, деформированного вследствие исторической драмы крымскотатарского народа, должен был способствовать пробуждению интереса к истокам. Поэтому, понимая, что народ, лишённый духовного родства с предшествующими поколениями, может лишиться и исторической национальной памяти, и, соответственно, опоры, прозаик ощущал потребность в иных приёмах и методах художественного осмысления исторической действительности. Так, произведения, где «без оглядки на идеологическую заданность воссоздавался национально-этнический мир» (Н. Суинова) с учётом национального характера, специфического этнонационального опыта, их исторической обусловленности, стал создавать Шамиль Алядин. Если ещё в 1979 году в повести «Иблисининь зияфетине давет» («Приглашение к дьяволу на пир») он сумел связать индивидуальную неповторимость личности с этнической психологией своего народа, то в историческом романе «Тугай-бей» писатель задался целью воскресить страницы героического прошлого и исторических личностей, повлиявших на ход истории.

Повесть Шамиля Алядина «Родники» (в крымскотатарском варианте – «Чорачыкълар», 1983) в плане отображения реалий исторического времени, портретной и ментальной характеристики героев произведений, комплекса рассматриваемых проблем логически связана с такими средними эпическими формами писателя, как «Теселли» (1957) и «Приглашение к дьяволу на пир» (1979). Иными словами, к восьмидесятым годам прошлого столетия посредством создания отмеченных исторических произведений писатель получил солидный опыт, который позволил ему «экспериментировать»: построенная по принципу «рассказ в рассказе» повесть «Родники» склоняется к эссеистике, где автор может позволить себе несколько свободное обращение с историческим материалом. Думается, финал повести «Родники», посвящённой незабвенному образу первого учителя Шамиля Алядина, и, как следствие, встреча учителя с учеником, состоявшаяся спустя 63 года, мысленно возвращая читателя к началу XX века, поясняет смысл названия этой повести. Но об этом – чуть позже.

Композиционную основу повести образует принцип последовательного освещения махульдурского (Махульдур – родное село Шамиля Алядина-автора) периода жизни Абдурешиды Селяметова – главного героя. В повествовательной структуре повести за образом первого учителя проглядываются обыденные реалии села с их проблемами и взаимоотношениями. Ввиду этого произведение «Родники», задуманное как историко-биографическая повесть, в процессе работы над ним несколько вышло за рамки жанрово-видовой специфики, тем самым позволив автору раскрыть и другие исторические события и его участников. К примеру, читатель обнаружит здесь образ Ягьи Байрашевского, описание отдельных событий периода сильнейшего го-

лода в Крыму в начале 20-х гг. XX века, историю села, а также узнает об истории создания песни «Топузлы шалым» («Моя шаль с бусинками»), основанную на реальных трагических событиях.

В начале упомянутой повести её автор и главный герой Абдурешид Селяметов как представители старшего и «среднего» поколений, с одной стороны, и внук-вондитель, который привёз дедушку, – с другой, абстрактно выступают носителями разных мировоззренческих интересов: если пожилые люди тяготеют к воспоминаниям, которые пленят их живыми эмоциями, чем это прошлое для них, собственно, и дорого, незабвенно и естественно, в отличие от них молодой человек пребывает в состоянии полного безучастия и абсолютной отчуждённости, поскольку он живёт интересами совершенного иного времени. Однако именно этот фактор и повышает идейную ценность произведения: учитель и ученик, которым посчастливилось насладиться встречей спустя многие и многие годы, имели моральное право утверждать, что от увиденного ими «мрамор бы раскрошился», «железо бы заржавело» [3, с. 410]. Большая временная пауза, имевшая место в жизни двух пожилых людей и их последующая беседа, использованная в качестве художественного материала, где бывший ученик и сам уже пребывает в состоянии «наслаждения старостью», показывает пример неперемного уважительного отношения к своему первому учителю. Внешний облик, манера общения, отношение к пережитому Абдурешид-оджа выдаёт в нём представителя славной плеяды крымскотатарских просветителей. Его учительствование в селе в начале двадцатых годов нарисовано реалистичными красками. Автор же повести, повествующей о событиях давно минувших дней, в то время был мальчиком восьмилетнего возраста. Роль крымскотатарской интеллигенции в лице Ягьи Наджиба Байбуртлы, Ягьи Байрашевского и его супруги Сафие-оджапче, Усеина Шамиля Токтаргазы в просвещении народа велика. Абдурешид Селяметов же – пока ещё девятнадцатилетний юноша-учитель, не имеющий диплома и, стало быть, не обладающий каким-либо опытом обращения с учениками. Видимо, поэтому в удобный момент в процессе беседы, состоявшейся при встрече в Дормене (местечко, расположенное недалеко от столицы Узбекистана, где находилась дача писателя), бывший ученик «упрекает» своего учителя за то, что тот никогда не рассказывал о себе, то и дело занимаясь лишь чтением и письмом. В ответ на это учитель незамысловато отвечает: «Время моего учительствования в вашей деревне было короткое, но историю оно имеет длинную. Я испытал там не только горе, но и радость. Врангелевцы, уходя из Крыма, оставили после себя разруху, голод... Вы говорите, я о себе не рассказывал. Что я мог рассказывать о себе? Тогда у меня не было-то биографии... Родился я в Бахчисарае, в первом году нового, как теперь говорят, беспокойного и богатого перемены века, в религиозной семье. Отец, Селямет-эфенди, был учителем, преподавал в школе... На средства «Джемиети Хайрие» он построил новое здание школы и сам стал заведующим в ней. И с гордостью могу сказать, что ставшие впоследствии в Крыму известными людьми Осман Зекки, Умер Ипчи, Якуб и Февзи Мусанифы, Усни Пенирджи, Абдулла Сеит-Умер, Якуб Куркчи учились в этой школе. В тот год, когда началась Первая мировая война, отец мой умер. Положение

нашей семьи ухудшилось... Мне помнится, Бахчисарай был освобождён от врангелевцев 14 ноября 1920 года. Спустя шестнадцать дней после этого из деревни Махульдур приехал на линейке учитель Исман Акки-эфенди, чтобы подыскать учителя для местной школы... Директором тогда у нас был Ягъя Наджип Байбуртлы, он-то и счёл самым подходящим для учительства в вашей деревне меня» [3, с. 445–446]. Как явствует, цитируемый момент способствует детализации биографии главного героя повести...

Выше отмечалось, что стержень идейно-художественной основы подвергаемой анализу исторической повести сосредоточен в двух её последних страницах – тут автор в уста состарившегося учителя-гостя вкладывает толкование смысла слова «Родники», из чего читатель сделает вывод об учителе, подобном роднику, из которого позже образовались роднички (отметим, что в оригинале эта повесть называется «Чорачыкълар»; изначальная форма «чокъракъчыкълар» – «роднички»): Шамиль Алядин, как и десятки бывших учеников этого учителя-родника, стали известными людьми, сами впоследствии став подобными своему учителю «родниками». Завершая повествование о далёком прошлом, учитель обращается к гостеприимному хозяину: «Время, проведённое в Махульдуре, я считаю лучшим в моей жизни... Вы помните тот неописуемой красоты родник на окраине Махульдура, у подножия высокой горы, вершина которой зимой была постоянно покрыта снегом, а летом туманом?.. Из-под высокой скалы, бурно вскипая, била ключом холодная, как лёд, и прозрачная, как хрусталь, вода; временами, – продолжает гость, – она выносила из-под земли мелкий красный песок... Рассказывали, будто на этом месте некогда были четыре небольших родничка. Их соединили, сделали один большой источник. А название осталось старое – Родники...» (в переводе Эмиля Амида) [2, с. 514–515]. Впрочем, и сам автор об одном из таких «родников» с чувством особой благодарности вспоминает в беседе с Сафтером Нагаевым (1987 с.): «Дело началось шестьдесят три года тому назад в Бахчисарайской школе с великого Ягъя Наджипа Байбуртлы, дававшего крымскотатарской интеллигенции уроки языка и литературы, с его неподражаемого усердия. Учившиеся у Байбуртлы со временем овладели различными профессиями, однако язык, литературу не забыли. Значит, наше творческое начало – подарок Ягъя Наджипа Байбуртлы. Поэтому он не только учитель языка и литературы, он для крымскотатарского народа настоящая история, источник культуры, сама цивилизация» [1, с. 64]. Как явствует, автор повести пытается выразить идею о том, что хороший первый учитель способен заложить основу определённого таланта, который раскроется со временем.

Повествование от первого лица усиливает чувство реалистичности. (Здесь позволим себе немного отвлечься от главной темы и поразмышлять над «участью» писателя. Как известно, при повествовании от первого лица автору придётся попытаться раскрывать внутренний мир своих персонажей через их поступки, взгляды, слова. Такой вид нарратива идеально подходит для рассказа и повести, от которого произведение получает большую эмоциональную окраску [2, с. 300–303]. Чтобы избежать монотонности при подаче событий в своей интерпретации писатель может привлечь

ряд сюжетных ходов. Фокусируя отмеченное на рассматриваемой повести, можно отметить, что для истории, повествуемой от первого лица, оказался характерен житейский опыт и кругозор самого писателя, где оказываются затронутыми важные для него исторические события и персоналии. К тому же разрыв между описанием и временем событий дал хороший эффект. Рассуждая о давно минувшем, повествователь попытался как бы взглянуть на себя со стороны и осмыслить историю.) Автор, имеющий право на типизацию в историческом произведении, использует и такую форму художественного эффекта, как субъективизация, т. е. личное отношение к кому- или чему-либо. Поэтому, видимо, прозаик не может не воспользоваться возможностью упомянуть о своей семье – братьях, маме, описать особенности собрания односельчан (подобная практика, кстати, имеет место и в «Теселли», и в «Приглашении к дьяволу на пир»). Такой подход к проблеме раскрытия образа главного героя даёт возможность автору наиболее детально выразить внутренне состояние не только Абдурешиды Селяметова, но и самого автора. Таким образом, при помощи домысла автор выступает своеобразным объединяющим началом прошлого и настоящего. Автор-повествователь пытается пояснить отдельные моменты повести, которые для понятийного аппарата читателя могут показаться сложными. Так, к примеру, мы начинаем понимать причину приезда в село Махульдур неокрепшего ещё как учитель Абдурешиды-оджа, причину временной неприязни тётушки Саабэ к молодому учителю, причину осторожно-этичного выражения своих взглядов Сафие-оджапче – супруги Ягьи Байрашевского.

Как видим, динамически развивающийся сюжет повести Шамиля Алядина «Родники» в памяти читателя «размещается» постепенно. Иными словами, события, описанные в отмеченной повести, раскрываются в рамках фабульно-сюжетного соотношения, а иногда с учётом логики содержательно-формальной сцепки образовавшиеся временные вакуумы автор заполняет эпизодами повседневной жизни. Эти истории изобилуют реалиями собственно национальными (село, простонародье, тяжкая участь сельчан) и веяниями новой политики (повальный голод в Крыму; странные люди, прибывшие в село за Байрашевским), которые способствуют созданию широкой картины исторического прошлого. Поэтому эта автобиографическая повесть с присовокуплением исторических фактов и рассуждений превращается в своеобразный исторический документ...

«Родники» – тот этап в творческом наследии Шамиля Алядина, который позволяет говорить о том, что прозаик «сосредотачивается» (это – начало 80-х гг. XX века!): пока он вынужден «мириться», сдерживать эмоции, обходя острые углы истории. Своё же истинное отношение ко вчерашней идеологии он выразит чуть позже в таких публицистических работах, как «Я – ваш царь и бог», «Кремль кьурбанлары» («Погубленные Кремлём»), «Махульдюрге бардым, агълап кьайттым» («Побывал в Махульдюре, вернулся со слезами»). А между тем неприятие некоторых социально-политических взглядов большевиков автор выражает и в «Родниках» – это отношение прослеживается, например, в эпизоде, связанном с выступлениями односельчан на «сходке»: народ не примет решение властей о заборе имущества простых

людей... Также повествователь устами Исмаила-эфенди (директора местной школы, духовного лица – имама) размышляет следующим образом: «Новая власть будет признавать нашу религию или будет наказывать тех, кто её проявляет? В таком случае как сохранить наши традиции, порядки шариата, молитвы?.. Общество без религии? Сможет ли такое общество существовать? Разве не религия помогает отделять человеческое общество от животного мира? Религия... служит той власти, которая руководит обществом... А Советская власть?.. Я ждал прихода её, быть может, не меньше, чем Якуб Хайбулла-оглы (староста. – Ш. Ю.). И могу верно служить новому строю. Однако без веры, без религии... представить свою жизнь не могу», – заключает Исмаил-эфенди [3, с. 473–474].

Внутренней солидарности писателя со своим героем служит тот факт, что Шамиль Алядин, имея солидный творческий стаж, а тем более являясь человеком, который в 1939 году в возрасте 27 лет возглавил Союз писателей Крыма, сам был участником культурно-политических и социальных изменений в стране, которые не лучшим образом сказались на судьбе окраин. В этом процессе духовенство, как известно, испытало наибольший прессинг. Крымскотатарская проза 30-х гг. XX века весьма показательна в этом отношении: деформация этнонационального мироощущения наиболее зримо запечатлена в произведениях Умера Ипчи, Джемиля Сейдамета, Джафера Гафара, Мамута Дибаса. К примеру, в пьесе последнего «Гизли нишан» («Тайное сватовство», 1940) не стоявшая прежде так остро проблема «отцов и детей» освещена в третьем акте произведения, когда в условиях постепенной утраты традиционных устоев и дальнейшей интенсивной идеологизации общества главная героиня пьесы Нияр без особого чувства стыда позволяет себе обрушиваться на маму или же преспокойно гадать на картах, сидя с растрёпанными волосами на неприбранной кровати, при этом сердиться на «планируемого» жениха, который до сих пор не удосужился (!) купить ей туфли... (Изображение подобных конфликтных ситуаций, думается, не характерно для крымскотатарской литературы прошлых периодов. Даже проза предыдущей эпохи – 20-х годов XX столетия – фокусировала свой взгляд на вопросах общечеловеческого уровня, как бы отрабатывая их на местном материале. Концепции, получившие отражение в прозаическом наследии таких признанных художников слова, как А. С. Айвазов, А. Ильмий, А. Одабаш и др., весьма объективно презентовали недуги и чаяния народа.)

Последние 15–20 лет своей жизни Шамиль Алядин прожил с неистовым желанием написать объёмное историческое полотно «Тугай-бей», которое так и оказалось недописанным. А рассматриваемая повесть, как и предыдущие произведения этого вида, явилась опытной площадкой для его создания (впору упомянуть эпизод повести «Родники», где Ягья Байрашевский в беседе с юным Абдурешидом Селяметовым радуется осведомлённости последнего об исторических событиях 1648 года, когда крымский хан Ислям Герай III помог гетману Украины выбить шляхтичей с её территории. Задача писателя состояла, думается, не столько в том, чтобы акцентировать начитанность молодого учителя, сколько в информировании (в условиях идеологической завуалированности общества) читателя о славном прошлом своего народа. Эти раздумья в последующем и вылились в планы по написанию романа «Тугай-бей»).

ВЫВОДЫ

Историческая повесть Шамиля Алядина – произведение, имеющее характерные черты эссе. Будучи написанной в форме повествования от первого лица, оно потребовало детализации внутреннего состояния главного героя. Авторская концепция произведения позволяет акцентировать роль первого учителя в дальнейшем становлении личности, «сеющей разумное, вечное, доброе». Думается, на художественное воплощение подобных исторических тем с такой глубиной восприятия в советское время способен был лишь Шамиль Алядин. А литературоведческое изучение этого опыта позволило бы выразить то неповторимое звучание этнонационального инструмента, которое называется крымскотатарской художественной литературой новейшего периода.

Список литературы

1. Алядин Ш. Ер делиджилер / Ш. Алядин. – Ташкент, 1991. – 224 с.
2. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Хализев. – Москва: Высшая школа, 1999. – 400 с.
3. Шамиль Алядин. Избранные произведения. Сайлама эсерлер / Ш. Алядин. – Симферополь, 1999. – 624 с.
4. Шамиль Алядин замандашларынынъ хатырлавларында. Эдипнинъ рухий дюнъясы. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2013. – 296 с.

Yunusov Sh. E. The problem of the relation of historical facts artistic expression in the story of the Shamil Aladin «Spirings» / Sh. E. Yunusov // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 422–428.

Shamil Aladin (1912–1996) – a prominent Crimean Tatar prose writer of the twentieth century. They created a number of works on historical themes. Among them, the historical novel «the Springs» has a special place. She is dedicated to meeting the older student with his first teacher, after more than sixty years. In the course of their conversation emerge moments of their youth. Against this background, depicts the realities of the village Mahuldur in the Crimea, where he started to work as a teacher and where I came from the writer himself.

Shamil Aladin was the author of numerous short stories and novels. He is known in the pre-war period. In 1939 he headed the Union of writers of Crimea. His work had a period of pressure of censorship. So that failed the writer to reflect before he invested in the works of the last quarter of the twentieth century. Considering the story is valuable because it reflected the realities of the beginning of the previous century. And for readers of the 80-ies it was essential, because the example of the work of such distinguished writers learned to create young authors, and the people learned about their glorious past.

The story is written on the principle of «the story», and the storyline has a consistent composition. The concept of the work leads the reader to the conclusion that a good teacher is able to lay the Foundation of a particular talent, which will be revealed over time. The meeting of two elderly people sixty years is an example of such a positive effect.

The article examines the specific content and formal features of the historical novel, acclaimed Crimean Tatar artist pen through the prism of the author's interpretation of historical realities. In the context of the problem is accentuated aspects of compositional constants of intellectualization of the image of rural teachers, the dominant genre of the essay.

Keywords: author's conception, the object of the question, speculation, philosophical issues.